

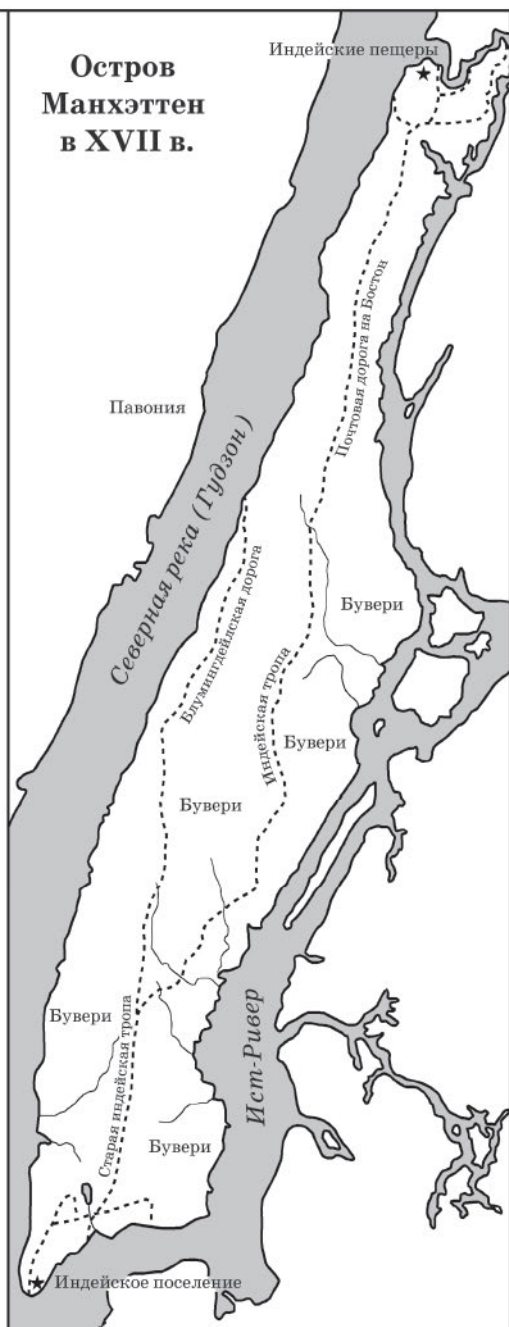
*Элеанор Джанет Уинтл,
с благодарностью до окончания дней*

Содержание

Предисловие	13
НОВЫЙ АМСТЕРДАМ	16
НЬЮ-ЙОРК	62
ДЕВУШКА ИЗ БОСТОНА	124
ДЕВУШКА ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ	148
ТАВЕРНА МОНТЕЙНА	163
ЛОНДОН	176
АБИГЕЙЛ	193
ЛОЯЛИСТ	213
ПАТРИОТ	237
ВАНЕССА	241
ВОЙНА	252
ПОЖАР	275
ЛЮБОВЬ	279
СТОЛИЦА	338
НИАГАРА	346
ЗА ЧЕРТОЙ ФАЙВ-ПОЙНТС	357
КРИСТАЛЛ-ПАЛАС	373
ЛИНКОЛЬН	392
ПРИЗЫВ	401
«ЛУННАЯ СОНАТА»	465
СНЕЖНАЯ БУРЯ	481
СТАРАЯ АНГЛИЯ	522
ЭЛЛИС-АЙЛЕНД	533
ЭМПАЙР-СТЕЙТ-БИЛДИНГ	611
БРУКЛИН	684
«ВЕРРАЗАНО-НЭРРОУЗ»	731
В КРОМЕШНОЙ ТЬМЕ	743
РОДЫ	764
МИЛЛЕНИУМ	777
КООПЕРАТИВНЫЕ ИГРЫ	787
БАШНИ	802
ЭПИЛОГ	820
Благодарности	827

Старый Нью-Йорк

Предисловие

«Нью-Йорк» — это прежде всего роман. Все семьи, судьбы которых прослеживаются по ходу повествования, являются вымышленными, как и отдельные их роли в описанных исторических событиях, но в изложении обстоятельств их жизни на протяжении веков я постарался поместить героев в окружение либо существовавшее, либо возможное.

В именах главных героев отражены корни. Ван Дейк — распространенная и запоминающаяся голландская фамилия. Мастер — вполне обычная английская, хотя мне придется признать, что по ходу того, как я обдумывал торговое будущее этого рода, связанное с Уолл-стрит, мне естественным образом пришло в голову выражение «хозяин мира»¹. Уайт — еще одна типичная английская фамилия. Келлер занимает пятидесятое место по распространенности в Германии и означает «виноторговец» или «заведующий погребом». О’Доннелл — известная ирландская фамилия, Карузо — знаменитая южноитальянская, а Адлер, означающая по-немецки «орел», встречается по всей Центральной Европе. Что касается героев второстепенных, то Риверсы вымышлены, а Альбионы фигурировали в моей книге «The Forest». На выбор имени Хуан Кампос меня вдохновил знаменитый пуэрто-риканский композитор Хуан Морель Кампос. Фамилии Хамблей, насколько я знаю, не существует, но в молитвенниках XVI века в таком написании встречается слово «humbly»². Для толкования фамилий Ворпал и Бандерснатч читатели отсылаются к стихотворению Льюиса Кэрролла «Джамбервоки»³.

¹ Master (англ.) — хозяин. — Здесь и далее примеч. перев.

² Кротко, смиренно (англ.).

³ Это абсурдное стихотворение вошло в сказку «Алиса в Зазеркалье». Бандерснатч известен у нас как Бармаглот. Что касается Ворпала, то этим вымышленным прилагательным описывается меч — нечто вроде разящего, булатного или вострого: vorpall sword.

С точки зрения истории придумывать пришлось очень немного. Это было сделано для гладкости изложения. Я упростил кое-какие запутанные и сложные события, но не считаю, что погрешил этим против общего смысла. Однако историческая интерпретация заслуживает некоторых пояснений.

Племена американских индейцев. Мною названы отдельные местные племена, как то: таппаны и хакенсаки, которые по-прежнему фигурируют в топонимике, но я не захотел смущать читателя избытком названий, так как племен в Нью-Йоркском регионе было великое множество. Взамен я предпочел расхожий обычай именовать их по общей языковой группе — алгонкинами. Таким же образом были названы северные племена — ирокезы, хотя местами, где это уместно, упоминаются и отдельные группы, например могауки. Возможно, читателей удивит то, что в рассказе о раннем периоде я, говоря о коренном населении Манхэттена, не обмолвился о ленапе. Дело в том, что это название появилось позднее, и я предпочел не использовать его по отношению к людям, для которых оно ничего не значило.

В исторических трудах последнего времени, особенно в замечательной книге Рассела Шорто «The Island at Center of the World»¹, посвященной Новому Амстердаму, подчеркивается неизменность личной и гражданской свободы, которую завещали Нью-Йорку голландцы. Я попытался встроить этот труд в мой рассказ с небольшой оговоркой в том смысле, что история гражданской независимости восходит к опыту средневековой Англии и значительной части Европы.

Мое мнение, изложенное в черновике насчет того, что англичане были более жестокими рабовладельцами, чем голландцы, подверглось пересмотру в ходе бесед с профессором Грэмом Ходжесом, который подробно осветил эту тему в книге «Root & Branch».

Я предпочел поверить тому, что английский губернатор лорд Корнбери действительно был трансвеститом. Несколько заслуженных историков были достаточно любезны, чтобы одобрить мою позицию.

По мере написания книги мои представления о динамике отношений между англичанами и американцами значительно изменились благодаря общению с профессором Эдвином Дж. Берроузом,

¹ «Остров в сердце мира» (англ.).

почтенным соавтором справочника «Gotham»¹, издавшим в то же время книгу «Forgotten Patriots»², которая посвящена этой теме.

Нью-Йорк неисчерпаем для обсуждения и входит в число сложнейших городов мира. Любому романисту, пытающемуся объять его историю, приходится вновь и вновь выбирать. Мне остается надеяться, что читатель уловит хотя бы толику истории и духа города, который я люблю всей душой.

¹ Э. Берроуз и М. Уоллес. Готэм: история Нью-Йорка до 1898 года.

² «Забывтые патриоты».

НОВЫЙ АМСТЕРДАМ

1664 год

Вот она, свобода!

Каноэ плыло по течению, и волны бились в носовую часть. Дирк ван Дейк взглянул на девчущку и задал себе вопрос: не было ли их путешествие ужасной ошибкой?

Большая река, манившая Дирка на север. Большое небо, звавшее на запад. Край многих рек, многих гор и многих лесов. Как далеко он простирался? Никто не знал наверняка. Только солнце, высоко над орлами совершавшее свое великое странствие к западу, могло объять его целиком.

Да, он обрел в этой глуши и любовь, и свободу. Ван Дейк был крупным мужчиной. Он носил голландские панталоны, сапоги с загнутыми носами и кожаную безрукавку поверх рубашки. Сейчас, приближаясь к порту, Дирк надел широкополую шляпу с пером и посмотрел на девочку.

Его дочь. Дитя греха. Проступка, за который по его вере полагалась кара.

Сколько ей — десять, одиннадцать? Она пришла в великое волнение, когда он согласился взять ее с собой. У нее были материнские глаза. Милое индейское дитя. Ее народ дал ей имя: Бледное Перо. Лишь светлая кожа выдавала ее происхождение.

— Скоро будем на месте.

Голландец говорил по-алгонкински, на языке местных племен.

Новый Амстердам. Торговый пост. Форт и городишко за палисадом. Но это не лишало его важности для торговой голландской империи.

Ван Дейк гордился тем, что он голландец. Пусть его страна мала, зато ее упрямые жители восстали против могущественной и алчной Испанской империи и отвоевали независимость. Именно его соотечественники построили огромные дамбы для защиты плодородных угодий от буйного моря. Именно голландцы, поселившиеся

на морском берегу, создали торговую империю, возбуждавшую зависть других государств. Их города — Амстердам, Делфт, Антверпен — с высокими остроконечными зданиями вдоль величественных каналов служили раем для живописцев, ученых и вольнодумцев со всей Европы в сей золотой век Рембрандта и Вермеера. Да, ван Дейк был горд своим голландским происхождением.

В низовьях огромной реки имели место приливы и отливы. Этим утром ее влекло в океан. Днем течение обратится назад, на север.

Девочка смотрела прямо по курсу. Ван Дейк сидел напротив, откинувшись на кипу шкур — в основном бобровых, — наваленных посреди каноэ. Оно было большим и широким, его борта — из прочного, но легкого хинного дерева. Гребли четыре индейца: два спереди, два сзади. За ними следовала вторая лодка, которой правили его земляки. Индейское каноэ понадобилось для переправки всего, что ван Дейк накопил. Небо над верховьем реки предвещало позднюю весеннюю грозу; над ними оно затянулось серыми тучами. Но впереди вода сверкала.

Луч света вдруг выбился из-за тучи. Река, словно природный барабан, предупреждающе стукнула в борт. От ветерка, похожего на игристое вино, покалывало лицо. Ван Дейк снова заговорил. Ему не хотелось ее ранить, но выхода не было.

— Молчи, что я твой отец.

Девочка скосила глаза на каменный кулончик, висевший на шее. Резное личико, расписанное черным и красным, перевернутое на индейский манер. Логично, вообще говоря: поднимешь взглянуть — и лицо уставится на тебя. Счастливый амулет. Скрытый под маской Повелитель Лесов, хранитель природного равновесия.

Бледное Перо не ответила и знай смотрела в лицо своего индейского божка. О чем она думает? Поняла или нет? Он не знал.

Из-за скал на западном берегу, напоминающих высокий каменный частокол, донесся далекий громовой раскат. Девчужка улыбнулась. Голландец подумал, что его соотечественники, тесно связанные с морем, не жаловали грозу. Она приносила им горе и страх. Но индейцы были мудрее. Они понимали, что означает гром: то боги, обитавшие на двенадцати низших небесах, защищали мир от зла.

Звук прокатился над рекой и растворился вдали. Бледное Перо бережно, с проблеском глубокой благодарности опустила амулет, затем подняла взгляд:

— Я увижу твою жену?

Дирк ван Дейк чуть глотнул воздуха. Его жена Маргарета не ведала, что он уже рядом. Он не сообщил о своем возвращении.

Но мог ли он рассчитывать всерьез, что утаит девочку от жены? Он неуклюже обернулся и посмотрел на реку. Они уже достигли северной оконечности узкого острова Манхэттен, и их несло по течению. Поворачивать поздно.

Маргарета де Гроот медленно затянулась и, не выпуская из чувственного рта глиняной трубки, оценивающе взглянула на человека с деревянной ногой, прикидывая, каково с ним спать.

Высокий, решительный правдолюб с буравящим взором, он поседел и был уже далеко не юн, но держался молодцом. Что до ноги, она была знаком доблести и напоминала о былых сражениях. Другой бы помер от такого ранения, но только не Питер Стайвесант. Он двигался по улице с удивительной скоростью. Взглянув на прочную отполированную деревяшку, Маргарета позволила себе слегка задрожать, хотя он и не заметил.

Что он думает о ней? Она не сомневалась, что нравится ему. Почему бы и нет? Она была красивой, цветущей женщиной за тридцать, с широким лицом и длинными светлыми волосами. Но, в отличие от многих голландок, не располнела — все на месте, изящные и откровенно соблазнительные формы. Что касалось пристрастия к трубке, то этим славилось большинство голландцев обоих полов.

Он заметил ее, остановился и улыбнулся:

— Доброе утро, Грет.

Грет. Фамильярное обращение. Как и большинство голландок, Маргарета ван Дейк жила под своим девичьим именем — Маргарета де Гроот — и считала, что именно так он и должен ее называть. Конечно, он знал ее ребенком. Но все равно... Обычно он держался сугубо официально. Она едва не залилась краской.

— Всё в одиночестве?

Она стояла перед своим домом. Типичный голландский городской дом — простой, прямоугольный, в два этажа, с деревянными стенами и выходившей на улицу узкой, заостренной частью. Невысокое крытое крыльцо перед большой входной дверью — голландская особенность. Окна были невелики, но впечатление усиливалось благодаря высокому фронтому с уступами, столь милому голландцам, а также флюгеру, венчавшему крышу.

— Муж еще в верховье реки? — спросил Стайвесант, и она кивнула. — Когда вернется?

— Кто его знает, — пожала она плечами.

Грех было жаловаться на дела, призывавшие мужа на север. Пушная торговля, особенно ценнейшими бобровыми шкурками,

приобрела такой размах, что местные индейцы перебили едва ли не все зверье. Ван Дейку часто приходилось отправляться подальше на север и пополнять запасы у ирокезов. Он замечательно преуспел в этом.

Но почему он так долго отсутствует? На заре их брака он отлучался лишь на пару недель. Но постепенно стал задерживаться все дольше. Дома он был хорошим мужем, внимательным к ней и любившим детей. И все же она чувствовала, что ею пренебрегают. Не далее как нынешним утром дочурка спросила, когда же вернется отец. «Как только сможет, — улыбнулась она. — Будь спокойна». Но вдруг он ее избегает? Не завел ли себе других женщин?

Верность не была пустым звуком для Маргареты де Гроот. И вряд ли стоило удивляться тому, что она, заподозрив мужа в измене, мысленно обвинила его в моральной слабости и, мечтая очутиться в руках более праведных, позволила внутреннему голосу шепнуть: «Ах, был бы он похож на губернатора Стайвесанта!»

— Трудные времена, Грет. — (Она уловила печаль в его голосе, хоть та и не отразилась на лице губернатора.) — У меня, знаешь ли, есть враги.

Он доверялся ей. Она слегка разволновалась. Ей захотелось положить руку ему на плечо, но она не посмела.

— Проклятые англичане.

Она кивнула.

Голландская торговая империя раскинулась от стран Востока до обеих Америк, но английские купцы наступали на пятки. Случалось, что обе протестантские нации объединялись против общих врагов — католических Испании и Португалии, — но бóльшую часть времени соперничали. Конкуренция усилилась пятнадцать лет назад, когда Оливер Кромвель с его богоугодной армией сорвал корону — а заодно и голову — с английского короля Карла. Голландцы наладили доходную работорговлю с Африкой и странами Карибского бассейна. Задача Кромвеля была очевидна.

«Работорговля должна отойти к Англии».

Многие честные голландцы сомневались в моральном праве на эту бесчеловечную торговлю людьми. У праведных английских пуритан таких забот не было. И вскоре Кромвель отобрал у испанцев Ямайку и превратил ее в работорговую базу. Четыре года назад, когда Кромвель умер и на английском троне восстановили второго короля Карла, эта политика не изменилась. До Нового Амстердама уже дошли вести о нападении англичан на голландские работорговые порты на побережье африканской Гвинеи. И через океан

пополз слух, что им понадобилась не только голландская работорговля, но и новоамстердамский порт.

Новый Амстердам был невелик: форт, пара ветряных мельниц, церковь с острым шпилем, канал, больше смахивавший на здоровенную канаву, да еще несколько улиц, где стояли дома с уступчатыми фронтонами, и все это вкупе со скромными фруктовыми садами и огородами скрывалось за стеной, которая тянулась через южную оконечность Манхэттена с запада на восток. Но город обладал историей. Голландская Вест-Индская компания, воспользовавшись преимуществом просторной природной гавани, основала там торговый пост еще за десять лет до отплытия «Мейфлауэра». И ныне, по истечении полувека бурной деятельности, сменявшейся периодами затишья, Новый Амстердам превратился в шумный порт в окружении поселений, раскинувшихся на десятки миль окрест, — территория, которую голландцы называли Новыми Нидерландами.

И у города уже был характер. Голландцы и их соседи-протестанты, франкоязычные валлоны, на протяжении двух поколений сражались за независимость против господствовавшей над ними католической Испании. И победили. Голландцы с валлонами совместно основали Новый Амстердам. Сорок лет назад право поселиться на Манхэттене выкупил у индейцев валлон Питер Минейт, чье имя до сих пор произносилось на французский лад. И это место с самого основания прониклось суровым независимым духом протестантских купцов разных кровей.

Но главным являлось расположение. С военной точки зрения форт не особенно впечатлял, но он главенствовал на южной оконечности острова Манхэттен по-над широкими водами отлично защищенной бухты и охранял подступы к большой Северной реке.

А правил им Питер Стайвесант.

Враг был на подходе. Жители Новой Англии из Массачусетса и особенно из Коннектикута, ведомые их недостойным губернатором Уинтропом, уже предпринимали попытки завладеть дальними голландскими территориями. Стайвесант отгородил северную часть города прочной стеной и палисадом, а англичанам вежливо объяснили, что это «против индейцев». Но дураков не было. Стена защищала от англичан.

Губернатор все смотрел на Маргарету:

— Ладно, если бы англичане были моим единственным врагом.

Ах, бедняга! Он был слишком хорош для них, никчемных жителей Нового Амстердама.

В городе насчитывалось тысячи полторы человек. Примерно шестьсот из них были голландцами и валлонами, триста — немцами и почти столько же — англичанами, которые предпочли жить под голландским правлением. Прочие стянулись со всего мира. Были даже евреи. И много ли среди них всех честных и праведных? Не очень, по ее мнению.

Маргарета не была набожна. Голландская реформатская церковь исповедовала суровый кальвинизм, а Маргарета не всегда соблюдала ее предписания. Но теми немногими, сильными духом, истинными кальвинистами она восхищалась — такими, как старый пастор Богард и Стайвесант. Они хотя бы ратовали за порядок.

Разве поддерживали купцы Стайвесанта, когда тот запрещал пьянство и откровенно языческие праздники или пытался оградить город от глупых квакеров и несносных анабаптистов? Да никогда. Нельзя было положиться даже на Голландскую Вест-Индскую компанию, которой он служил. Когда из Бразилии пожаловали сефардские евреи и Стайвесант велел им убраться, компания приказала: «Пусть останутся. Это народ деловой».

Никто не отрицал, что он был отличным губернатором. До него правили в основном продажные шуты. Один идиот даже развязал бессмысленную войну с индейцами и чуть не погубил колонию. Но Стайвесант научился править мудро. На севере он загнал англичан в тупик. На юге в два счета расправился с возникшей на реке Скулкилл шведской колонией, когда та стала доставлять беспокойство. Он поощрял торговлю сахаром и начал ввозить все больше рабов. С каждым кораблем из Голландии прибывали балластом лучшие кирпичи для постройки городских зданий. На улицах было чисто, появилась маленькая больница, а в школе преподавали латынь.

Но был ли народ благодарен? Конечно нет. Его власть вызывала негодование. Эти болваны даже вообразили, будто способны править самостоятельно. Это они-то? Маргарета глубоко сомневалась.

Хуже всех был двуличный стряпчий ван дер Донк. Его прозвали Йонкером, то есть сквайром. Это он подсиживал губернатора, он писал письма в Вест-Индскую компанию и публиковал клеветы — все что угодно, только бы скovyрнуть Стайвесанта. И ради чего? «Йонкер — певец свободы», — говаривал ей муж. «Дурни! — кричала она. — Он любит только себя! Стоит ему занять место Стайвесанта, и он тебя прижмет!»

К счастью, Йонкеру не удалось сместить Стайвесанта, но он ухитрился прибрать к рукам большое поместье на севере города. Он даже написал книгу о Новых Нидерландах, и муж клятвенно заверял Маргарету, что очень недурную. Теперь негодяй был

мертв — слава богу! Но жители Нового Амстердама продолжали называть его поместье владением Йонкера, как будто он был еще там. А его пример оказался столь заразительным для других купцов, что Стайвесант, по мнению Маргареты, не должен был верить никому из них.

Жесткий взгляд губернатора уперся в нее.

— Могу я на тебя положиться, Грет?

У нее екнуло в груди. Ничего не поделаешь.

— О да.

Он, разумеется, состоял в счастливым браке. По крайней мере, так ей казалось. Он и его жена Джудит Байард жили на ферме — бувери, как ее называли голландцы, — и были, судя по всему, совершенно довольны. Джудит была старше Питера. Она вышла за него после того, как он потерял ногу, а потом вышла за него замуж. Насколько знала Маргарета, у него был только один роман, в молодости, задолго до знакомства с Джудит. Маленький скандал. Тем лучше для него, считала она. Иначе он мог стать кальвинистским священником по примеру отца, вместо того чтобы устроиться в Вест-Индскую компанию и отправиться за удачей в дальние края.

— А муж? На него я могу положиться?

— Мой муж?

Знать бы, где его носит. Бегает от нее.

Ну, с этим придется кончать. Пока его не было, она поразмыслила и составила план на будущее, которое станет отраднее. Хорошо, что обычай предоставлял голландкам намного больше свободы — и власти, — чем женщинам других народов. Благодарение Господу за добрые соглашения. У нее были очень четкие планы насчет Дирка ван Дейка, когда тот вернется.

— О да, — повторила она. — Он сделает, как я скажу.

— Я иду в форт, — сообщил Стайвесант. — Пройдешься со мной?

Лондон. Погожий весенний день. Темза была забита кораблями. Томас Мастер взирал на стоявшее перед ним судно и пытался принять решение.

В руке он держал письмо от своего брата Элиота, где сообщалось о кончине отца. Том был слишком честен, чтобы изображать скорбь. Ему было двадцать два, и теперь он обрел свободу.

Итак, на чем остановиться? Америка или Англия?

Слева высился серый массив лондонского Тауэра — безмолвный, надежный хранитель тайн. Сзади неодобрительно таращилась длинная, высокая крыша старого собора Святого Павла. Но что она

не одобряла? Его, разумеется. В конце концов, его послали в Лондон из немилости.

Тридцать лет назад, когда Адам Мастер с восточного побережья Англии познакомился в Лондоне с уроженкой Уэст-Кантри¹ Абигейл Элиот, эти серьезные юные пуритане сочли английскую столицу ужасным местом. На троне сидел король Карл I, его жена-француженка была католичкой. Карл I правил Англией деспотически, а его новый приспешник, архиепископ Лод, намеревался подчинить англичан Англиканской церкви, которая была папистской во всем, кроме названия. Поженившись и питая надежду на лучшее, Адам и Абигейл прожили в Лондоне несколько лет. Но для пуритан все оборачивалось только хуже, а потому Адам и Абигейл Мастер приняли участие в великом переселении в Америку.

Англичане уезжали в Виргинию на протяжении двух поколений. Ко времени, когда пьесы Шекспира пошли в его театре «Глобус» на южном берегу Темзы, половина лондонцев уже дымила глиняными трубками, набитыми виргинским табаком. Но число тех, кто по-настоящему перебрался в Виргинию, оставалось скромным. Немногочисленные сорвиголовы отважились поселиться в Массачусетсе, возникли и другие колонии, но о миграции говорить не приходилось.

Однако во вторую половину правления короля Карла произошло нечто в корне отличное. Английские пуритане тронулись в путь. Они прибывали с юга, востока, запада; сбивались в группы — иногда семьями, иногда целыми общинами — и устремлялись через Атлантику. Не проходило недели, чтобы к берегам Америки не причалило судно. С середины тридцатых годов XVII века король английский Карл лишился таким образом около пятой части своих подданных. Дженглмены вроде Уинтропа, молодые люди со средствами вроде Гарварда, купцы и ремесленники, рабочие и проповедники, с женами, детьми, слугами — все отплывали в Америку, подальше от короля Карла и его архиепископа. Это было первым настоящим заселением американских колоний, занявшим немногим больше десяти лет.

Король Карл ничуть не огорчился из-за этой потери. Да и той не было — наоборот, польза. Вместо того чтобы докучать ему на родине, где он старался установить авторитарную власть, они любезно прирастили его королевство бескрайними землями. Огромный и неизученный Американский континент был в их полном распоряжении, но они оставались его подданными, все до одного.

¹ Неофициальное название юго-западной части Англии.

Что касалось свободы вероисповедания, которой они так радовались, то пока она не волновала короля, а разобраться с ней можно было и позже.

Адам и Абигейл Мастер отправились в Бостон. Там они нашли общину по душе — суровую, порой жестокую в своей набожности. В конце концов они и не искали терпимости, они строили Царство Божие. И в этом смысле их старший сын Элиот не обманул надежд. Трудлюбивый, осторожный, решительный Элиот был воплощением мечты любого бостонского родителя. Но Том уродился другим.

Белокурый и голубоглазый Том Мастер нравился женщинам, несмотря на чуть выпиравшие зубы. В детстве он был худощав, всегда в движении, горазд на проказы. К зрелому возрасту стал добродушным, живым остряком. Он был полон энергии, но его поведение и выбор друзей оставляли желать лучшего.

Приходилось признать, что даже в те ранние времена иные массачусетцы — моряки и рыбаки, купцы и фермеры, не говоря уже о низших разрядах, — пеклись не столько о спасении души, сколько о деньгах. Община как могла навязывала им свою волю, но вероотступники не переводились.

И юный Том, к великому огорчению родителей и брата Элиота, казалось, был обречен гореть в аду. Том не хотел учиться. У него были способности, но он их не применял. Он любил выпить. Связался с дурной компанией. Однажды даже пропустил воскресную службу. Отец не жалел розог, но впоследствии понял, что дело не в послушании, не в подчинении заповедям. В Томе было что-то глубинное, чего отец не мог изменить.

Адам Мастер наладил солидную адвокатскую практику. Купил ферму. Владел судном. Элиот изучил право, но хотел проповедовать. Том обучился торговле и выказал деловую смекалку. По крайней мере, это было хоть что-то.

Но два события разбили материнское сердце. Первое произошло, когда Абигейл лежала при смерти. Она послала за вторым сыном и в присутствии мужа взмолилась, прося его изменить свою жизнь. Ради спасения его души и чтобы сама она упокоилась с миром, Абигейл молила Тома пообещать, что впредь он в рот не возьмет спиртного. Она надеялась, что этот первый шаг направит его к свету. А он что сказал?

— Да к черту, матушка! Ты же знаешь, что я не могу этого обещать.

И это матери, на смертном одре. Адам так и не простил сына. Он не стал ссориться с Томом. Он знал, что Абигейл хотела другого.

Он был учтив. Он сделал все, что мог как отец. Но ему было ясно: от Тома добра не жди.

А потому когда девятнадцатилетний Том завел свою первую интрижку с женой морского капитана, пока этот достойный человек был в плавании — капитан того самого судна, которым владел Адам, — отец постарался замять это дело ради Элиота. Но Тому велел немедленно покинуть Массачусетс. Он отослал его в Лондон к знакомому купцу, снабдив довольно невыразительным рекомендательным письмом. И запретил возвращаться.

Том был изгнан назад в Старый Свет. Для Нового он оказался слишком плох.

Лондон понравился Тому. Он его устроил. Кромвель и пуритане правили Англией десять лет, но великий эксперимент по руководству страной без короля завершился смутой и военным положением. К прибытию Тома англичане восстановили монархию и посадили на трон нового Карла, сына покойного короля. А Карл II был веселый малый. Его младший брат Джеймс, герцог Йоркский, был высокомерным и упрямым, тогда как король славился гибкостью и осмотрительностью. Он не хотел повторить судьбу отца. После многих лет изгнания он хотел веселиться и был рад, когда подданные разделяли это желание. Он гонялся за каждой юбкой, устраивал скачки и посещал театр, а также проявил неподдельный интерес к науке.

Лондон, встретивший Тома, застыл меж двух миров: средневековым и современным. Заморские владения Британии расширились, и лондонским торговцам предоставлялась масса возможностей сколотить состояние. Аристократы и джентльмены задавали тон в моде. Развлечений было сколько угодно и на любой вкус. Том был очень доволен первым годом жизни в Лондоне.

И все же затосковал по Америке. Не по Бостону и не по пуританской родине, а по другим вещам, которые он вряд ли мог описать. По ощущению простора, новых пределов, открытия мира. Это было томление по свободе — быть может, по дикой воле. Он не умел выразить это чувство словами.

Теперь, когда не стало отца, ничто не мешало ему вернуться.

Имелось и другое соображение. По Лондону шел слух, что Карл II и его брат Джеймс вторично заинтересовались американскими колониями. И если так, тем правильнее было честолюбивому юноше стремиться обратно в Америку.

Что же делать? Остаться и развлекаться в Лондоне или дерзнуть отправиться за океан? Ему не составит труда сообщить купцу, на которого он работал, что отец умер и Элиот позвал его домой.

Упаковать пожитки всяко недолго. Корабль, что был перед ним, отплывал завтра в Бостон. У капитана имелось место. Братъ?

Помедлив, Том мысленно рассмеялся, вынул монету и подбросил. Орел — Бостон. Решка — Лондон.

На севере зарокотал гром, но впереди, где большая река впадала в открытые воды гавани, стояло озеро жидкого золота.

Накануне вечером ван Дейк попытался растолковать Бледному Перу важность этого места с помощью самодельной карты. Указывая черенком трубки, он стал объяснять:

— Вот эта линия, идущая сверху донизу, — Северная река. Во многих днях пути вверх по течению находятся большие озера и протоки, которые тянутся до самых льдов. Слева от реки, — он чиркнул трубкой по бумаге, — раскинулся весь Американский континент. Справа, — теперь он указал на огромный треугольный участок суши вершиной вниз и основанием к Атлантике, — находятся Коннектикут, Массачусетс и многие другие места. А рядом — огромный океан, который пересекли наши.

Проведя трубкой до южного конца клина, он обратил ее внимание на другую яркую особенность. К клину как бы пришвартовался вытянутый в длину остров¹ — примерно двадцать миль в ширину и сто — в длину. Между ним и побережьем материка притаился длинный пролив.

— Всю эту территорию, — ван Дейк ткнул в нижнюю часть клина и соседнюю оконечность острова, — веками занимал твой народ. А это, — постучал он по самому южному участку клина, — Манхэттен.

Манна хата — индейское название. Насколько он знал, оно означало просто остров. На самом деле это был узкий полуостров, за тем исключением, что в самой северной части имелась небольшая, резко загибавшаяся горловина, благодаря которой воды Северной реки сообщались с островным проливом и формально превращали Манхэттен в остров.

Манхэттен открылся бы бурям Атлантики, не будь он защищен огромным молом длинного острова. Но в силу этого счастливого обстоятельства Северная река, огибая его оконечность, впадала в отлично защищенную бухту примерно четырех миль в ширину и семи в длину — просторную якорную стоянку, известную морякам как Верхняя бухта. Этим везение не исчерпывалось: на участке выхода в Атлантику через узкие проливы южной части гавани с обеих

¹ Современный Лонг-Айленд.

сторон обозначились огромные песчаные отмели, служившие внешними волноломами против океанических вод, благодаря чему возникла тихая Нижняя бухта, настолько просторная, что там могли бросить якорь все корабли мира.

— Это ворота на север, — объяснил ван Дейк.

Но Бледное Перо не поняла. И пусть он продолжил разглагольствования о торговле и транспорте, ему было видно, что ей непонятен смысл карты белого человека.

Белые люди прибывали с времен Христофора Колумба. Сперва они искали то золото, то путь на Восток. Одного, по имени Верразано, запомнили, он прибыл в 1524 году; остальных забыли. Да и пришельцы не всегда были белыми — взять хотя бы темнокожего португальского капитана Гомеса. Он явился, захватил человек шестьдесят индейцев, чтобы продать как рабов, и после исчез с горизонта. Но прибыл и другой человек, бесповоротно изменивший жизнь местного люда, селившегося на берегах великой Северной реки и ее бухты.

Генри Гудзон был англичанином на службе у конкурентов-голландцев и отправился на восток в надежде найти короткий путь в Китай. Поискав вымышленный северо-восточный проход выше России и сочтя эту затею бессмысленной, он проигнорировал все приказы, отправился через Атлантику и стал искать проход северо-западный. Именно Гудзон вошел в бухту ниже Манхэттена и несколько дней поднимался по большой реке, пока не заключил, что так в Китай не попасть.

— Этот путь не ведет в Китай, — сообщил он голландским работодателям по возвращении, — но земля там прекрасная. Полным-полно бобров.

А алчность жителей Северной Европы до бобрового меха не знала пределов.

— Бобер, — говаривал детям ван Дейк, — полезнейшая тварь. Бобровый жир помогает при ревматизме, зубной боли и желудочных коликах. Яички бобра, если растолочь и растворить в воде, способны излечить слабоумного. Мех густой и теплый.

Но главным соблазном являлся не мех, а его мягкая кожаная основа. И почему же? Из нее делали фетр.

Шляпы. Фетровую шляпу хотели все, но позволить себе могли только богачи. Это был крик моды. Бывало, что шляпники сходили с ума, отравленные ртутью, которую использовали для отделения меха от кожи. И ван Дейк не исключал доли безумия в том, что ради модных шляп была основана целая колония, а то и империя, где люди рисковали жизнью и убивали друг друга. Но так был

устроен мир. Если северо-восточное побережье Америки колонизировали ради атлантического рыбного промысла, то знаменитую бухту Нового Амстердама и большую Северную реку — ради фетровых шляп.

И в благодарность бесстрашному исследователю ван Дейк и ему подобные торговцы мехом нередко называли эту реку не Северной, а рекой Гудзон.

— Приехали. Вот он, Новый Амстердам.

Голландец улыбнулся при виде трепета, охватившего взволнованную дочь. Впереди в необъятные воды гавани вторгался южный мыс Манхэттена. Над гладью, чуть тронутой рябью, носились морские птицы. Просоленный воздух бодрил.

Бледное Перо тарасилась на мельничные крылья и приземистый массив форта, господствовавшего над береговой линией. Когда они обогнули мыс, где остроконечные купеческие дома выстроились в некоторое подобие рядов, ван Дейк обратил внимание дочери на открывшуюся панораму:

— Видишь дома возле форта? Там был ваш лагерь до прихода белых людей. Они оставили после себя такие залежи устричных раковин, что мы зовем эту улицу Жемчужной — Перал-страат. Вон тот светлый дом принадлежит Стайвесанту. Он называется Уайт-Холл.

Миновав южную точку, они свернули в широкий, длинный канал, тянувшийся вдоль восточной стороны Манхэттена. Он был известен как Ист-Ривер — Восточная река, хотя рекой не являлся. Ван Дейк указал на противоположный берег:

— Бруклин.

Голландцы называли это место в честь города неподалеку от Амстердама¹.

— Земля моего народа, — произнесла девочка.

— Была.

На восточной стороне мыса построили пристань. Каноэ устремилось к ней. На Ист-Ривер по соседству стояло на рейде несколько кораблей. Когда каноэ достигло суши, к его пассажирам приковались любопытные взгляды.

Бровные шкурки сгрузили в две большие тележки и повезли на склад Вест-Индской компании. Это не заняло много времени. Ван Дейк шагал рядом, Бледное Перо шла чуть позади. Он коротко кивал знакомым. На берегу толпился разношерстный люд: матросы

¹ Нидерландский город Брёкелен.

в открытых рубахах, купцы в широких панталонах; был даже пастор в черном и высокой конической шляпе с широкими полями. Когда они покинули береговую зону, ван Дейк повстречал пару голландских торговцев, Спрингстина и Стинбёргена, — довольно важных птиц, с которыми пришлось здороваться обстоятельнее.

— Ваша жена у форта, мингер ван Дейк, беседует со Стайвесантом, — сообщил Спрингстин.

— Вы можете встретиться в любую минуту, — сказал Стинбёрген.

Ван Дейк мысленно выругался. Вчера ему казалось, что все получится легко и просто. Его люди разгрузят лодку и индейское каноэ. Индейцы останутся ждать отлива. У него будет время поводить Бледное Перо по городку и угостить голландским печеньем — счастливая кульминация недолгого пребывания вместе. Затем индейцы спокойно заберут ее обратно и увезут вверх по реке, а он пойдет к жене и детям.

Даже узнай Маргарета, что он был на причале, она поняла бы, что первым делом — склад, а остальное потом; она ждала бы его дома. Он не предвидел, что она отправится к форту.

Что ж, он сдержит данное дочери обещание, но будет осторожен.

— Идем, Бледное Перо.

Ему пришлось нелегко: трудно показывать окрестности и одновременно высматривать жену. Но Бледное Перо казалась очень довольной. Он же поймал себя на том, что гордится городом. Нельзя было отрицать заслуг Стайвесанта. Широкое грязное побережье частично замостили. Даже в самом людном районе, близ рынка, дома с высокими уступчатыми фронтонами были окружены просторными ухоженными садами. Идя на восток, отец и дочь пересекли узкий канал и достигли ратуши — *Stadt Huys*. Это было большое здание с центральным входом и тремя рядами окон, а также еще двумя в крутой мансардной крыше с вдовьей площадкой¹. Оно стояло среди прочих зданий, похожих на голландских купцов, невозмутимо взирающих на Ист-Ривер. Перед ратушей виднелись колодки для наказания злоумышленников. Ван Дейку пришлось объяснить дочери, как запирали туда людей, подлежавших прилюдному унижению.

— Вон там есть и виселицы, — указал он вдоль берега. — Душить веревкой преступников посерьезнее.

— У моего народа так не принято, — произнесла Бледное Перо.

¹ Площадка с перильцами на крыше прибрежного дома, где жены моряков ожидали своих мужей.

Резерфорд Э.

Р 34 Нью-Йорк : роман / Эдвард Резерфорд ; пер. с англ. А. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 832 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-09795-7

Город, основанный голландцами в 1626 году и получивший название Новый Амстердам. Город, через полстолетия захваченный англичанами. Город, в конце XVIII века ставший временной столицей США. Нью-Йорк. Сердце Америки. Крупнейший порт, подплывая к которому вы видите символ этой страны — статую Свободы.

Захватывающий рассказ об индейских племенах, живших на территории, где голландцы начнут строить город, который станет потом одной из финансовых столиц мира. Увлекательная история нескольких семей, живших в этом городе на протяжении нескольких столетий. Первые поселенцы, участники Войны за независимость, Гражданской войны, африканские рабы, женщины из высшего общества, строители небоскребов и итальянские мафиози... В романе великолепно сочетаются романтика, семейные драмы и личные победы, в нем блестяще отражены поиск свободы и процветания в самом сердце Америки.

Это роман для всех тех, кто побывал в Нью-Йорке и полюбил этот город.

Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД
НЬЮ-ЙОРК

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.12.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-17824-08-R